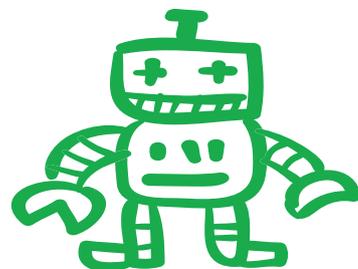

Слово о похвале

Александра Ершова,

кандидат педагогических наук, г. Москва

Многие ситуации воспитания и обучения детей строятся на поощрениях и порицаниях. Известно, что дети любят, когда их хвалят взрослые. На этом основана большая часть педагогических воздействий.

Но внутренний мир каждого воспитанника так сложен, что не всегда его желания, мотивы, достижения и неудачи воспринимаются взрослыми так же, как самим ребёнком. Случается, что похвала взрослого иногда обрушивается на ребёнка совершенно для него неожиданно. Так что ребёнку нередко приходится крепко подумать,

чтобы понять, за что же это его сейчас похвалили.

Например, ребёнок во время прогулки прячет в мамину сумку любимую игрушку, чтобы другие дети её не увидели. А мама пускается в похвалы, принимая его поведение за проявление аккуратности.

Или ученик, готовя дома уроки, заранее заглянул в соседний параграф учебника и прочёл название следующей темы. И поэтому на уроке первым безошибочно назвал её. Учительница же начала хвалить его... за догадливость и хорошее понимание предмета!

Оказывается, одни педагоги считают важным и необходимым помнить о возможности детского обмана и лжи, а потому не спешат с похвалой. Другие же направо и налево сыплют: то молодец и умница, то замечательно и великолепно.

ЧТО МЫ ЦЕНИМ?

Похвала – это всегда социальная поддержка. С помощью похвал взрослые выражают социальную значимость того или иного детского поступка.

С другой стороны, удачное преодоление человеком препятствий на пути достижения желанной цели вызывает в нём самом положительные эмоции.

Теперь давайте вспомним, всегда ли мы, взрослые, прежде чем похвалить ребёнка, обращаем внимание на то, понимаем ли мы (и если понимаем, то насколько верно), какое именно препятствие преодолел ребёнок и на пути движения к какой именно цели? Это, во-первых.

А во-вторых, какие положительные эмоции ребёнка мы больше ценим? Те, что возникают в нём при преодолении препятствий? Или те, которые мы вызвали в нём своей похвалой? И как ответы на эти вопросы проявляются в нашем поведении, в наших решениях и поощрениях?

ХВАЛИ С УМОМ

Любому воспитателю следует хвалить своих подопечных не абы за что, а за удачное преодоление препятствий.

Пересилил ребёнок свое желание от боли или обиды поплакать (или даже покричать), не помешал, не напугал своим криком окружающих, перетерпел – молодец! А если и больно-то не было, да он и не плакал вовсе, – так и хвалить его не стоит.

Преодолеl ребёнок желание покрасоваться или не закатил истерику, оттого что взрослые поступили не по его желанию, – молодец! Настоял на своём, преодолел все препоны, уговорил, убедил – опять молодец!

Хвалить следует с умом. Взвалил на себя работы больше, чем другие, – молодец! А вот за то, что просто успел раньше всех, или за то, что сделал больше лентяев, – лучше не хвалить.

В каждой педагогической ситуации – свои парадоксы, свои параметры, свои решения. За молчание иногда можно и нужно похвалить, а иногда – лучше этого не делать. То же самое можно сказать и о проявлениях инициативности, и о проявлениях смелости, и уж тем более – скромности.

Делать подопечного «героем» за каждую его победу – опасно. Чувство победы должно связываться не столь-

ко с чьей-то похвалой или признанием геройства, сколько с собственной радостью.

Свои победы ребёнку полезно отмечать самому. Даже если их не видят (не ценят, не придают значения) другие (что сверстники, что сам педагог). Ученику не надо всегда и во всем зависеть только от чужого мнения. Ведь жизнестойкость человека предполагает его способность самостоятельно держаться принятых на себя жизненных обязательств. И держаться, не рассчитывая на обязательную моральную поддержку или материальное вознаграждение.

Хорошие воспитатели знают, как трудно научить детей с достоинством встречать как победу, так и поражение. Первое, пожалуй что, труднее...

В ПОТОКЕ ДЕЛ

Весьма поучительным является опыт учительницы начальных классов Лидии Филякиной. Уже с первых уроков в первом классе она устанавливала весьма насыщенный темп-ритм работы в классе. Это для того, чтобы никто из детей не успевал выполнять все задания!

Сами задания, разумеется, были весьма простыми и лёгкими. Но их было так много, и они, быстро сменяясь, так плотно шли друг за другом,

что ученикам скучать не приходилось. Никому! Ни тем, кто уже умеет читать и даже писать, ни тем, кто в руках и карандаша толком держать не умеет.

Все оказывались в бурном потоке хоть и посильных, но уж очень разнообразных дел. То нужно посмотреть в окно и назвать самое большое из увиденного. То нужно названное показать пальцем соседям. То решить, что из названного на самом деле самое-самое большое. То нужно хором – три-четыре! – это «самое-самое» дружно произнести. То показать ручками, в каком углу доски крупно выведена буква О. То достать из своего портфеля все карандаши и выяснить, у кого из соседей, сидящих спереди и сзади, их больше...

В результате уже с первых дней у детей формировалось представление, что на уроке нельзя пропускать ни одной минутки. Только отвлечешься, зазеваешься – как уже опоздал, уже прозевал какую-то очередную работу, видимо весьма интересную, раз соседи и справа, и слева столь захвачены ею. Захвачены именно выполнением задания, а не получением очередного учительского «Молодец!».

Подчеркнём, что, активно используя в своей работе социо-игровые методы обучения, Лидия Константиновна никогда не говорила: «А сейчас мы поиграем». Никаких игр! На уроке работают! Поэтому даже самое азар-

тно-игровое задание начиналось со слов: «А теперь работа будет заключаться в следующем...»

ОБРАЗЧИК ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Представим себе умненького, веселого, уверенного в себе (умеющего считать и читать печатные буквы!) домашнего дошкольника. Приходит пора, и он оказывается за партой.

Выполнить те задания, которые обычно учителя готовят для первых уроков, и ответить на любые учебные вопросы по программе он может легко. Поэтому очень быстро он начинает понимать, что свое «Молодец!» всегда сможет получить. При этом нисколько не напрягаясь! А раз так, то, у него на уроке оказывается уйма свободного времени...

На что же оно будет потрачено? Разумеется, на развлечения (делать-то ведь нечего!). И начинает он развлекать: сначала себя, а потом и других...

В ЧЁМ РАЗНИЦА?

Для любого ребёнка желание нравиться естественно. Именно для удовлетворения этого своего желания многие дети стремятся на любое задание выскочить первыми.

Но вот ребёнок, стремглав выскочив первым, неудачно справился с

заданием. Что ж, бывает. Дело житейское. Так вот, одни дети в подобной ситуации обижаются, другие – огорчаются. В чём разница?

Чувство обиды связано с неудачной попыткой удовлетворить СОЦИАЛЬНУЮ ПОТРЕБНОСТЬ – быть среди других лучшим, первым, любимым. А чувство огорчения – с неудачным удовлетворением ПОТРЕБНОСТИ ПОЗНАНИЯ.

Какая из этих ребёнку от природы данных потребностей окажется в его структуре личности доминирующей? Какое из этих двух желаний – быть первым, купаться в лучах славы или бескорыстно узнавать, понимать и всё вокруг исследовать без оглядки на похвалу – станет стимулировать поведение ребёнка? И какое из них окажется оттесненным, заглушённым? И может ли педагог как-то повлиять на ежедневную тренировку одного и ежедневное подавление другого желания?

ГОРЫ ТРУДНОСТЕЙ

Смышленный ребёнок, о котором шла речь выше, на уроках в подготовительной группе или в начальной школе не обнаружил никаких препятствий для получения одобрения со стороны педагога. Память цепкая, запас знаний приличный – в результате задания выполнять просто. Только вот скучно...

Чтобы освободить своих учеников от подобных ситуаций, Лидия Филякина интуитивно нашла оригинальный прием – расставлять на пути удовлетворения сильными учениками желания блистать и быть первыми (руководствуясь своими детскими представлениями о том, что получать лавры можно особо и не напрягаясь) такие препятствия, что эти смысленные дети в конце концов постепенно, день за днем, становятся людьми, которые в любом деле не только с интересом усматривают возможные горы неожиданных трудностей, но и вполне искренне любят эти самые горы трудностей с энтузиазмом преодолеть.

РЕАЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

В интереснейшем педагогическом опыте Филякиной можно найти много наглядных примеров формирования новых, прежде неведомых ребёнку норм (то есть – способов) удовлетворения его социальной потребности, при которых познавательная деятельность ребёнка не ущемлялась, а наоборот – крепла и развивалась. В результате каждый ученик начинал работать, не ожидая ни шумного успеха с аплодисментами, ни легких побед. Потрудись, научись, узнай – тогда, может быть, тебя похвалят.

Но и не это главное. Главное, чтобы тебе самому было бы интересно совершенствовать свой труд. Ведь жизнестойкость любой личности и заключается в такой её оптимальной направленности, для осуществления которой нет помех.

А значит, не будет помех и для той радости, которая возникает при её осуществлении. А это не так уж и мало.

Как свидетельствуют многие произведения искусства (и в живописи, и в литературе, и в кино, и в театре), чуть ли не единственная форма того реального счастья, которое в душе человека может приумножаться безгранично и пожизненно, есть счастье познания. И каким бы путем насыщение потребности познания ни шло – научным ли, художественным ли (каждому свое) – ни пресыщения, ни апатии, ни оскотины не возникнет. В отличие от всевозможных вариантов потребности биологической (где ограничения накладывает сама физиология организма) и потребности социальной (насыщения которой неизбежно ограничиваются интересами других).

